

ГЕОРГИЙ СИНЧЕНКО

Как философ вносил американские деньги в российский банк

Предупреждаю вас, что и с вами случится что-нибудь в этом роде, если только не хуже, ежели вы не сдадите валюту!

М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита

«Э то даже кошку рассмешит» («it is enough to make a cat laugh») — английская поговорка, удачно характеризующая эмоциональную реакцию автора на приключившийся с ним забавный случай. Осмысление казуса привело к заключению, что его анекдотичность производна от запутанного правового положения иностранной валюты на территории России. Уверен, оно заслуживает прояснения — причем юридико-догматического подхода здесь явно мало, потому как он сам нуждается в рефлексии. Но сначала несколько слов о происшествии.

Фабула

Недавно я обратился в один из банков, предлагающих быстрые денежные переводы. Просветив сто-долларовые купюры детектором, кассир отверг 12 из 20-ти в силу внутренних Правил приема поврежденных денежных знаков иностранных

государств, пункт седьмой которых относит к поврежденным «подвергнутые воздействию химических реактивов, в том числе реактивов, приведших к свечению бумаги в ультрафиолетовых лучах». Курьез в том, что все 20 зеленых билетов, включая дюжину «калек», ранее были получены по аналогичному переводу в том же банке¹.

Для того, чтобы было понятнее, замечу, что засвечивание в ультрафиолетовом диапазоне может быть результатом попадания на бумагу простой воды. Следовательно, одно из двух: либо банк мнит воду реактивом, и тогда под эту категорию подпадает практически все — от коньяка до молока; либо под видом

¹ Люди ближнего круга, с которыми автор делился случившимся и соображениями по его поводу, так часто задавали один уточняющий вопрос, что удивление сменилось пониманием полезности предупреждения: с долларами я обращался не менее бережно, чем это делал бы на моем месте всякий, для кого две их тысячи — вполне солидная сумма.

СИНЧЕНКО Георгий Чонгарович — заместитель начальника — главный редактор редакционно-издательского отдела Омской академии МВД России, доктор философских наук, профессор.

Ключевые слова: банковская система, доллар, евро, обмен валюты, права потребителя, Центральный Банк РФ, обращение иностранной валюты, товар, деньги, ФРС США.

кассы оборудована криминалистическая лаборатория, способная за считанные минуты идентифицировать вещество, с которым банкнота вступала в химический контакт. И если это то самое вещество, из которого мы состоим на 80 процентов, то с нее надо снять подозрение независимо от степени засвечивания, так как о простой воде в правилах не найти ни полслова. Но такие деньги банк все равно забракует, о чем заявил кассовый работник, изложивший аутентичное толкование: есть свечение — есть и повреждение. Таким образом: а) чем более технически совершенными устройствами оснащена индустрия оборота наличности, тем больше циркулирует по России иностранных денежных знаков с подмоченной, в прямом смысле слова, репутацией; б) упомянутая валюта инвалидна ввиду того, что матери вскармливают грудных младенцев химическим реагентом.

Выводы вызывают саркастическую улыбку, потому что они безупречны, но абсурдны. Логически же правильно абсурд извлекается не иначе как из другого абсурда. Химические реактивы — это химические *препараты* (специально подготовленные вещества), предназначенные для химического анализа, их чистота задается соответствующими ГОСТами. Вода ими действительно нормирована — *дистиллированная*, получаемая в перегонных аппаратах и используемая для анализа химических реактивов и приготовления их растворов. Есть ГОСТ и на питьевую воду, но здесь химический анализ — не цель, а средство контроля за тем, чтобы вода, которую мы пьем, в самом деле была питьевой. Может быть, составителям Правил стоило вникнуть в нормативную базу и научную терминологию?

Пункту 7 подстатья 11-й, согласно которому от физических лиц не принимаются «денежные знаки иностранных государств, выведенные ими из обращения после даты, объявленной банком-эмитентом соответствующего иностранного государства и доведенной до уполномоченных банков Банком России». Смотрится гладко, но ведь перед нами правила приема *поврежденных* денежных знаков. Стало быть, подразумевается, что государство, выводя свои денежные знаки из обращения, наносит им увечья по принципу «Я вас ввело, я вас и поврежу».

Но и это не предел. Под названием «Правила приема...» читаем: «Уполномоченный банк (филиал) не принимает от физических лиц иностранную валюту, имеющую следующие признаки...» И все — по крайней мере, по моему требованию был выдан именно такой текст. Значит, «правила приема» — это в действительности правила *неприема*, а обманчивое название — канцелярская хитрость.

Двуличными и, мягко говоря, неаккуратно сформулированными нормами проведения инвалютных операций с физическими лицами руководствуются не все уполномоченные банки. Скажем, «Правила приема поврежденных денежных знаков иностранных государств (группы иностранных государств), в том числе для направления на инкассо», действующие в Сбербанке, представляют собой структурированный, продуманный документ и не являются отпиской для отвода глаз. Но в этом вопросе банки почти полностью предоставлены самим себе, и каждый разрабатывает стандарты по душе руководства, помноженной на профессионализм юридического персонала. И когда душа к «пост-

радавшим» деньгам не лежит, а профессионализма не хватает, нечаянно получается автокариатура на правовой акт².

Консультации юристов

Неспортивное поведение кредитной организации было разложено по классической русской схеме «кто виноват? и что делать?» и выложено на юридический интернет-сайт. Отдав должное злободневности вопроса, администрация ресурса перевела его в категорию платных. К сетевым консультациям примкнули обсуждения, в которые я втянул разных людей — от сотрудника территориального управления Банка России до бизнесмена со стажем. Результат уже легко предсказан специалистами по финансовому и банковскому праву. Тем не менее его стоит воспроизвести, поскольку он интересен ради его смысла.

По линии «кто виноват?» обнаружилось, что *de leges lege* («виноват никто»), и остается пенять на себя. В одной из консультаций так и было сказано: «У Вас есть право предъявлять претензии к кассовому работнику банка при получении наличной иностранной валюты с производственным браком, повреждениями или дефектами, которые могут послужить причиной отказа в их дальнейшем приеме... Требуйте замены не подходящих Вам по качеству иностранных купюр». Вы-

ходит, банки лучше всего посещать в компании эксперта «Гознака» или равного ему по классу фальшивомонетчика. Клиентам, которые не обзавелись такими связями, самое время раскошелиться на универсальный просмотрный детектор ценой от 5,5 тысячи рублей. Автор же этих строк опрометчиво наведалься в банк «один и без оружия».

По линии «что делать?» также удалось заметно продвинуться: делать нечего. Можно юркнуть во вполне легальную лазейку: потратить валютную некондицию в зарубежной поездке или поискать более дружелюбный «пункт приема макулатуры». Говорят, проще всего обменять или перевести на счет через банкомат. Но главное в другом: мало того, что позитивной технологии защиты субъективного права нет — она невозможна, ибо нет самого позитивного субъективного права. Словом, *nothing personal* в необычном значении англосаксонской идиомы. Таково солидарное мнение консультантов. Впрочем, один из корреспондентов оживил сухую деловитость ноткой участия и сочувствия, тянущейся не от законознания и даже не из правосознания, а просто от человека к человеку, от соотечественника к соотечественнику: «...в России с этим беда».

Именно она (конечно, этим корреспондентом оказалась женщина!) произнесла ключевое слово: «беда». Очень удачно и единственно верно, что слово это — не из юридического словаря, потому что осмыслить и оценить писаное право нельзя без него, но нельзя и из него. Нужен метаязык, вбирающий в себя язык закона как подчиненный элемент. С первослова на метаязыке, в нашем случае — с тревожного имени существительного, и начинается рефлексия.

² Разбор шероховатостей и ошибок в банковских правилах работы с поврежденными денежными знаками иностранных государств дан в статье: **В. В. Лютов**. Поврежденная валюта: принимать или нет? — «Деньги и кредит». 2007. № 3. Однако на разнице между водой и химическим реагентом автор также не заостряет внимания, а аналогично п. 11 в фактической базе его контент-анализа, видимо, вообще не встречались.

Политика Центрального банка России

Что же касается Центробанка, то его толерантное отношение к норовотворчеству кредитных организаций в интересующей нас области зафиксировано юридически. Согласно пункту 3.9 его Указания от 14 августа 2008 года поврежденные банкноты, не имеющие признаков подделки, могут быть куплены за рубли либо заменены на неповрежденные банкноты, монету соответствующего иностранного государства или на неповрежденные банкноты, монету другого иностранного государства, либо приняты для зачисления на банковский счет по вкладу (депозиту) клиента, либо приняты на инкассо с учетом условий их приема эмитентами³. Двумя годами позже пунктом 4.4 Инструкции № 136-И от 16 сентября 2010 года установлено, что в случае выявления кассовым работником дефектов и повреждений у принятых денежных знаков иностранного государства возможность осуществления операций с такими денежными знаками иностранных государств определяется в соответствии с правилами приема поврежденных денежных знаков иностранных государств, *разработанными уполномоченным банком*⁴.

³ См. Указание Центрального банка Российской Федерации № 2054-У от 14.08.2008 «О порядке ведения кассовых операций с наличной иностранной валютой в уполномоченных банках на территории Российской Федерации». — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» www.consultant.ru (дата обращения: 29.09.2012).

⁴ См. Инструкция Центрального банка Российской Федерации № 136-И от 16.09.2010 «О порядке осуществления уполномоченными банками (филиалами) отдельных видов банковских операций с наличной иностранной валютой и операций с чеками (в том числе дорожными чеками), номинальная стоимость которых указана в иностранной валюте, с участием физических лиц». — «Вестник Банка России». 2010. № 55.

Наконец, Информационное письмо от 28 сентября 2011 года подтверждает все вышесказанное и разъясняет, что отдельного курса для осуществления операций с поврежденными денежными знаками иностранных государств уполномоченные банки устанавливать не могут, однако по соглашению с нами, клиентами, вправе устанавливать комиссионное вознаграждение (если иное не предусмотрено федеральными законами)⁵.

Некоторые причины мягкой политики проступают в опубликованной в 2007 году статье начальника отдела экспертизы денежных знаков департамента наличного денежного обращения Банка России В. В. Лютова: по закону «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» главный банк не отвечает за не им эмитированные денежные знаки; кредитные организации приобрели опыт работы с иностранной валютой и определились с фокусными группами клиентов; последние вправе заблаговременно ознакомиться с правилами, принятыми конкретным банком; избавление от поврежденных иностранных купюр затратно⁶ (автором раскрыта также пятая, коренная, причина — но о ней несколько позже).

Все верно. Воспитание умов требует умов, а обслуживание денег стоит денег. Но хлопотать вокруг «больных

⁵ См. Информационное письмо Центрального банка Российской Федерации № 40 от 28.09.2011 «Вопросы по применению Инструкции Банка России от 16.09.2010 № 136-И “О порядке осуществления уполномоченными Банками (филиалами) отдельных видов банковских операций с наличной иностранной валютой и операций с чеками (в том числе дорожными чеками), номинальная стоимость которых указана в иностранной валюте, с участием физических лиц”». — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» www.consultant.ru (дата обращения: 29.09.2012).

⁶ См. **В. В. Лютов**. Поврежденная валюта: принимать или нет? С. 65–70.

иностранцев» банку не с руки, следовательно, лучшими станут те худшие правила диспозитивной игры в инвалюту, в которых появится пункт: «Банк не обязан принимать у физических лиц подлинные и находящиеся в обращении денежные знаки иностранных государств в том физическом состоянии, в котором они (денежные знаки) продаются (выдаются) банком физическим лицам».

Итог. В полном согласии с английской народной мудростью «золотое правило: у кого золото, того и правила» для уполномоченных банков создан режим, напоминающий диспозитивный рай. Банки легально занимаются правотворчеством вплоть до переименования правил приема в правила отказа; банки «по соглашению с клиентами» взимают комиссионные, что для физических лиц равнозначно запрещенному специальному курсу на дефектную валюту. Все рыночно, цивилизованно, цивилистично... Но англичане недаром говорят: «За распятием черт прячется». За анизотропной, проще говоря — однобокой, диспозитивностью для кредитных организаций прячется дискреционность, проще говоря — произвол, в отношении клиентов. И это беда, которую имеет смысл «препарировать».

После Маркса:
RUR — \$ — стоп

Корень беды, то есть та главная причина, которая была лишь упомянута выше, заключается в том, что

нерезидентная валюта (по крайней мере наличная) в России считается как бы просто товаром в ряду других товаров. Именно *как бы*, потому что, отнесенная к этой категории на поверхности, она все-таки располагается особняком при более глубоком взгляде на вещи. Иное немислимо, поскольку иностранные деньги в статусе рядового товара — юридико-финансовое лукавство, к которому прибегают, когда выгодно.

Рассмотрим сказанное более подробно в логике доказательства от противного, то есть оттолкнувшись от допущения, что доллары (для простоты будем говорить о них, имея в виду различные иностранные деньги) —

В полном согласии с английской народной мудростью «золотое правило: у кого золото, того и правила» для уполномоченных банков создан режим, напоминающий диспозитивный рай. Банки легально занимаются правотворчеством вплоть до переименования правил приема в правила отказа

это якобы товар как таковой наравне с носовым платком, смартфоном или квартирой.

Правовой повод товарной интерпретации иностранных денег подаю статья 29 Федерального закона № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10.07.2002 (редакция от 19.10.2011): «Банкноты (банковские билеты) и монета Банка России являются единственным законным средством наличного платежа на тер-

ритории Российской Федерации»⁷ и статьи 140 и 317 Гражданского кодекса РФ, закрепляющие рубль и ничто, кроме него, в роли платежного средства и валюты денежных обязательств. Нормы же, допускающие при осуществлении расчетов использование иностранной валюты, выполнены в бланкетной технике, отсылочные фразы которой не всегда коррелируют с позитивным нормативным материалом. Свойственная такой технике лапидарность, во-первых, порождает вопросы, оживляющие в сознании старый афоризм, что, сколько бы ни практиковало на Земле юристов, юридических мнений все равно больше, во-вторых, активирует силлогизм: в товарно-денежном обращении доллар — не платежное средство; следовательно, он — товар. Вот и по поводу моего случая один из консультантов написал: «Все наличные доллары США, евро и другие иностранные валюты на российском рынке не что иное, как товар, сделки с которым должны совершаться при взаимном согласии сторон»⁸.

Однако не все так консенсусно, как *prima facie*. Романтизация свободы договоров — посттравматический синдром правосознания, еще вчера запертого в камере сверхцентрализованной экономики. На родине же долларов, в исконно и эталонно рыночных США, суды, при всем уважении к либеральному принципу, не абсолютизируют его и при необходимости опираются на альтернативные идеи. Таково ставшее хрестоматийным благодаря толкованию блестящего американского правоведа Р. Дворкина дело «Геннингсен против Блумфильд Моторс, Инс.», которое рассматрива-

лось еще в 1960 году в Нью-Джерси. Попав в аварию по причине неисправности купленного им автомобиля, истец потребовал от фирмы-продавца возмещения медицинских расходов. Несмотря на то, что контракт ограничивал ответственность устранением неисправных деталей, иск был удовлетворен.

В мотивировочной части решения суд, признавая «основополагающее положение о свободе сторон, заключающих контракт», вместе с тем указал: «Свобода заключения контракта не является такой непреложной доктриной, чтобы не допускать никаких оговорок в той области, которую мы рассматриваем... В таком обществе, как наше, на производителя налагаются особые обязательства, связанные с производством, рекламированием и продажей его автомобилей. Следовательно, суды должны внимательно изучать соглашения о покупке, чтобы определить, справедливо ли в них оговариваются интересы покупателя и общества в целом... Существует ли какой-либо другой принцип, который был бы более известен и в большей мере воплотился бы в истории англо-американского права, чем фундаментальное положение о том, что суды не должны позволять использовать себя в качестве орудия несправедливости и пристрастности?.. В частности, суды в общем отказываются признавать действительной “делку”, в которой одна сторона несправедливо злоупотребляет экономическими нуждами другой»⁹.

Итак, хотя бы частично меру свободы договоров можно извлечь из осмотрительного и умудренного правосознания. Но ведь и закон ставит ей

⁷ «Собрание законодательства Российской Федерации». 2002. № 28. Ст. 2790.

⁸ Раскавыченная консультантом дословная цитата из публикации В. В. Лютова: см. **В. В. Лютов**. Поврежденная валюта: принимать или нет? С. 65.

⁹ **V. Henningsen**. Bloomfield Motors, Inc., 32 N. J. 386, 161 A.2d 85, 86. — *Цит. по: Р. Дворкин*. О правах всерьез. М., 2004. С. 47—48.

границы — жесткие границы, когда дело доходит до особых видов товаров, оборот которых приходится обуздывать специальными условиями (оружие, наркотики...). Как раз специальному закону «О валютном регулировании и валютном контроле» подчинено движение иностранной валюты. В связи с этим отмечу два момента.

Первый. Правила операций с валютными ценностями (иностранной валютой и внешними ценными бумагами), валютой Российской Федерации и внутренними ценными бумагами сформулированы пакетно, в одном и том же нормативном правовом акте. Из этого и категорической посылки «наличная иностранная валюта есть товар как таковой» вытекает озадачивающее заключение: либо рубль также есть «товар как таковой», либо упомянутый закон одной рукой делает два дела сразу: регулирует оборот национальной валюты, которая не является товаром *per se*, и валютных ценностей, которым в ряду обычных товаров самое место.

Слышится возражение: интегрированный закон — всего-навсего продукт рациональной юридической техники: и законов получается меньше, и при появлении новелл состыковывать одно с другим легче. Без проволочек соглашусь с тем, что наблюдение А. П. Чехова «Искусство писать — это искусство сокращать» в полной мере относится к искусству писать законы. Но ведь если слить Уголовный кодекс с Кодексом об административных правонарушениях, номенклатура законов также сократится. Судя по всему, к подобной экономии должно подталкивать существенное родство предметов регулирования, как в случае с законом «О наркотических средствах и психотропных веществах». Напротив, в ситуации с УК и КоАП общности не хватило: оба

имеют дело с правонарушениями, но только первый — с общественно опасными. А в чем тесная близость RUR и \$, если на территории России один не стоит в шеренге товаров, а другой теряется из виду на ее левом фланге, один платежеспособен, а другой нет, один обязателен к приему в поврежденном виде по общим для всех императивным правилам, а другой?.. Может, глубокое родство валютных ценностей с рублем проходит по иным точкам экстремума? Или секрет в том, что аспект единоприродности отечественных и иностранных денег нашел в валютном законодательстве более полное выражение, чем в других нормативных правовых актах и банковской практике?

Второй. Широкий круг предусмотренных законом «О валютном регулировании и валютном контроле» операций, включая ту, с фрустрации которой завязался сюжет обсуждаемой истории, осуществляется как операции банковские. В рассматриваемом случае имеем дело с отчуждением резидентом в пользу нерезидента валютных ценностей (см. ч. 9 ст. 1 Федерального закона № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» от 10.12.2003; ред. от 06.12.2011, с изм. и доп., вступающими в силу с 05.06.2012¹⁰) в форме перевода денежных средств без открытия банковских счетов по поручению физических лиц (см. ст. 5 закона № 395-1 «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990; редакция от 29.06.2012¹¹). При этом торговая, производственная и страховая деятельность банкам запрещена, кроме заключения договоров, являющихся производными

¹⁰ См. «Собрание законодательства Российской Федерации». 2003. № 50. Ст. 4892.

¹¹ См. «Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР». 1990. № 52. Ст. 1155.

финансовыми инструментами и предусматривающих обязанность одной стороны договора передать другой стороне товар, и немногих других исключений. Из построенной системы посылок и все того же суждения о нерезидентной валютной наличности как товаре эксплицируем альтернативы: либо банк, занимаясь предоставлением денежного перевода или куплей-продажей иностранной валюты, *ничем не торгует*, либо он вступает в торг, связанный с упомянутым типом договоров. В первом случае получаем, что в перечисленных банковских операциях *доллары не фигурируют в качестве товара*, а во втором снова наталкиваемся на то, что в России российский рубль — это *товар сродни американскому доллару*¹².

На мой взгляд, выход из лабиринта противоречий и занятных странностей возможен только на базе концептуальной стратегии, сильный вариант которой гласит, что ни отечественная, ни иностранная валюта вообще не являются товаром, и соответственно затронутые выше и аналогичные операции с ними не являются торговлей, а слабый — что валюта не является стандартным товаром, и следовательно, валютно-банковские операции не являются торговлей в стандартном смысле¹³.

¹² Хотя бы потому, что, если денежный перевод осуществляется в рублях, то банк либо под видом этой неторговой процедуры все же занимается торговлей, что и запрещено, и в данном случае нелепо (коммерческий интерес здесь сосредоточен в транзакционной услуге, а не в предмете транзакции), либо передает определенное количество *рублей* получателю *в качестве товара* на основании заключенного им, банком, договора с отправителем. Впрочем, возможно, что это некий пограничный третий случай, в котором правовой статус национальной денежной единицы неясен. Но тогда таков же и статус денег иностранных.

¹³ Чисто логически напрашивается экстравагантный промежуточный вариант: предмет, «торгуемый» с целью получения прибыли, не всегда есть товар.

На случай, что из-за неучтенных экономических и юридических нюансов некая латентная ошибка «кассирует» всю систему рассуждений, вернемся к отправному допущению: доллар есть повседневный товар без оговорок и уточнений. Тогда его кэш-оборот в нашей стране определяется, наряду с валютным и банковским законодательством, законом «О защите прав потребителей». Многие считают погружение доллара в контекст упомянутого закона ересью. Ересь опасна, однако куда опаснее ересь с аргументами. Аргументы следуют.

Прежде всего, по моему мнению, иностранная валюта подпадает под понятие товара в той трактовке пленума Верховного суда РФ, которая прямо связана с защитой прав потребителей: «При отнесении споров к сфере регулирования Закона “О защите прав потребителей” следует учитывать, что... под товаром следует понимать вещь (вещи), определенную либо родовыми (числом, весом, мерой), либо индивидуальными признаками, предназначенную для продажи или иного введения в гражданский оборот»¹⁴. В том же документе в соответствии со статьей 1 части 1 закона № 2300-1 «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 (ред. от 25.06.2012)¹⁵ разъясняется, что отношения между продавцом (организацией либо индивидуальным предпринимателем) и гражданином, использующим, приобретающим и т. д. товары исключительно для нужд, не связанных с предпринимательской деятельностью,

¹⁴ См. постановление № 17 пленума Верховного суда Российской Федерации от 28.06.2012 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей». — «Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации», 2012. № 9. С. 23.

¹⁵ См. «Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации». 1992. № 15. Ст. 766.

регулируются ГК РФ, законом «О защите прав потребителей» и другими федеральными законами и принятыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами¹⁶.

Далее, если в магазине по правой стороне улицы я приобретаю, предположим, бытовой робот-пылесос по рублевой цене, эквивалентной тысяче долларов, а на левой стороне той же улицы в банке покупаю тысячу долларов за рубли по установленному курсу, то разве на правой стороне я — «гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности», а на левой — уже не потребитель в процитированной легальной дефиниции? Тогда кто я на левой стороне улицы, и почему мой закон отказывается сопровождать меня на эту сторону: здесь ведь также Россия? Посчитав первую часть вопроса риторической, рассмотрим возможные ответы на часть вторую. Они таковы: закон не поддерживает меня на другой стороне улицы или потому, что банк — не магазин, а доллар — не товар; или потому, что закон — не закон. Но во-первых, закон есть закон, во-вторых, мы решились до последнего отстаивать товарную доктрину инвалюты, и контрдовод «банк — не магазин» нам не помеха. Значит, либо вопрос «кто я на левой стороне улицы?» неожиданно оказывается не риторическим, и на банковской стороне улицы для закона я никто, пустое место; либо доллар — парадоксальный *законный товар в правовом вакууме*;

либо вакуум — «оптический обман», и покупатель валютных ценностей свободно дышит воздухом закона «О защите прав потребителей».

Увы, *laissez aller, laissez respirer* не получается. Присовокупив к вершинам вовлеченных в дискурс трех законов практическую индустрию оборота инвалютной наличности, получаем квадрат. Метания американского посланца по четырехугольным отечественным просторам в безысходных поисках пятого угла — остросюжетный фактаж, сулящий даровитому исследователю честь обогатить экономико-юридическую литературу детективным жанром. Из опасения спугнуть тему, ждущую равномогущего себе автора, в очередной раз ограничусь немногими замечаниями.

Пункт первый. Законом различаются товары отечественные и импортные. К каким приобщить доллар? Решение этого, вроде бы, элементарного вопроса упирается в природу номиналистических денег. Теоретически она известна, однако часто не принимается в расчет на практике. В. Юровицкий разъясняет суть с помощью аналогии: денежная купюра относится к деньгам так же, как гиря к весу¹⁷. Это приемлемая, но не очень строгая параллель, потому что гиря по определению имеет некий вес, а то обстоятельство, что банкноты обладают собственной стоимостью, вызванной расходами на их изготовление, выступает досадной материальной неизбежностью, которая не имеет ничего общего с логикой отношения между деньгами и их бумажными (металлическими) знаками. Поэтому более точно сравнивать отношение первых ко вторым с отношением чисел к цифрам.

¹⁶ См. постановление № 17 пленума Верховного суда Российской Федерации от 28.06.2012 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей».

¹⁷ В. Юровицкий. Денежное обращение в эпоху перемен. — <http://lib.rus.ec/b/119285/read> (дата обращения: 19.09.2012).

Конечно, мы по-прежнему будем называть деньгами монеты и купюры с указанными на них российскими, казахстанскими, североамериканскими номиналами. Типичная общеязыковая метонимия (переноса названия с предмета на предмет по их смежности), которая отлично работает, когда не забываешь о ее условности. В устах политика «Кремль» и «Белый дом» — не то же самое, что в устах архитектора; оба, надеюсь, не собираются грызть фарфор, говоря, что охотно съели бы тарелку супа. Со словами «рубль», «теньге», «доллар» дело обстоит аналогично.

Теперь вернемся к поставленному вопросу. Понятно, что заграничный денежный перевод заключается не в физическом перемещении конкретных прямоугольников бумаги с банковскими номерами и портретами Б. Франклина. Экономико-правовая природа данной операции — отчуждение в пользу нерезидентного физического лица, скажем так, права требования части американского долга. Или так: права на долю экономического потенциала США. Этот «товар» в России не производится. Но ведь нельзя сказать, что он в Россию импортируется! А если все-таки можно, то хотелось бы ознакомиться с договором поставки, заключенным между Федеральной резервной системой Соединенных Штатов Америки и Центральным банком Российской Федерации.

Как видим, американские деньги при всем желании не втискиваются ни в российские, ни в импортные товары. Любопытно, что сказанное верно и для заокеанских денежных знаков: все произведенные в России — фальшивка, а о подлинных снова резонно осведомиться, кто их экспортирует и кто импортирует. Аргументацию проще простого уси-

лить ссылкой на внутреннюю конвертируемость рубля. Когда валюта конвертируется в другую валюту, это ясно как день. А когда она конвертируется в заурядный товар, тогда первая попавшаяся продавщица мороженого «конвертируется» в оператора законспирированного валютного обмена. С моей точки зрения, одной-единственной этой ремарки достаточно, и остальной текст факкультативен. Впрочем, здесь автор, безусловно, ошибается, поскольку, будь он прав, не происходило бы то, что происходит. Поэтому продолжим размышления.

Пункт второй. Законом «О защите прав потребителей» на продавца (изготовителя, уполномоченную организацию или уполномоченного индивидуального предпринимателя, импортера) возлагается обязанность принять товар ненадлежащего качества у потребителя и в случае необходимости провести проверку качества. За потребителем резервируется право участвовать в последней. В случае спора о причинах возникновения недостатков товара продавец (изготовитель), уполномоченная организация или уполномоченный индивидуальный предприниматель, импортер обязаны провести экспертизу товара за свой счет (см. ч. 5 ст. 18). Естественный вопрос, каким образом банки будут проверять платежеспособность США, обескураживает, потому что, во-первых, способ совершенно загадочен, во-вторых, как мы уже убедились, они (банки) вообще не обязаны это делать. По прямому требованию физических лиц не проводит экспертизу ни иностранных денег, ни их знаков и головной банк государства. «Вот если бы Вы подали нам жалобу на отказ уполномоченного банка принять доллары, — разъяснили в территориальном управлении Банка России, —

то при проведении проверки, может быть...»

Снова одно из двух: либо Банк России игнорирует национальное законодательство и потворствует его нарушению другими, либо доллар — и деньги, и денежные знаки — не является товаром (как минимум — товаром в стандартном смысле).

И все-таки еще раз: что делать?

Легко заметить, что вслед за проблемой соотношения денег и банкнот (монет) логика выталкивает на проблему сущности денег вообще и денег США в частности. Лежит на поверхности, что решение проблемы в ее общей постановке сильно зависит от ответа на более узкий и одновременно узловым вопросом, что означает \$.

Н. В. Стариков утверждает, что после отважного трансокеанского марш-броска маршала-президента де Голля и развала Бреттон-Вудской архитектуры доллар не символизирует ничего, кроме амбиций и калькуляций коллегии частных персон, входящих в Совет управляющих ФРС США¹⁸. От обычного циркового трюка данный мегафокус отличается тем, что цирковая публика, не разбираясь в секрете появления кроликов из цилиндра, все же в курсе, что ее водят вокруг пальца, а мировое общественное мнение о монетарной престижизитации не догадывается. Позиция Н. В. Старикова совпадает с утверждением англо-американского экономиста и политолога Э. Саттона: «Эти деньги — фикция, созданная из ничего»¹⁹. При условии, что так оно и есть, горячие головы

поспешили списать в архив диалектическое учение о взаимопереходе противоположностей. Классические римские юристы знали золото-товарные деньги, которые являлись тем, что они представляли, поскольку их форма соответствовала содержанию. А номиналистические доллары наших дней символизируют ровно то, чем себя предъявляют, их аморфное само по себе содержание раболопно растворилось во внешней форме.

Не доверяющий субъективизму и ориентированный на закономерности информационного общества В. Юровицкий считает все современные деньги улыбкой Чеширского кота — информационно-измерительной институцией, цена которой системно определяется ценами товаров²⁰.

Не пренебрегая мнением Э. Саттона и Н. В. Старикова, но примеряясь к особенностям эпохи, когда «семиургия заменила металлургию» (французский философ Ж. Бодрийяр), и потому склоняясь к позиции В. Юровицкого, я думаю, что в *предлагаемой работе* фундаментальный вопрос о сущности американской валюты и денег вообще все-таки можно оставить открытым. Причина: что бы ни символизировали доллары, большинство других валют так или иначе *символизирует их*. Применительно к рублю сказанное подтверждается хотя бы тем, что бивалютная корзина служит операционным ориентиром курсовой политики Банка России. Этот сиюминутный довод можно укрепить указанием на упомянутую официальную конвертируемость рубля, общими соображениями об открытости внутреннего экономического

¹⁸ См. Н. В. Стариков. Шерше ля нефть. Почему наш Стабилизационный фонд находится ТАМ? СПб., 2009. С. 90—111.

¹⁹ Э. Саттон. Власть доллара. М., 2003. С. 8.

²⁰ См. В. Юровицкий. Денежное обращение в эпоху перемен.

пространства и глобализации, роли твердых валют и значении доллара как главной расчетной и резервной мировой валюты, за которой стоит ведущая экономика планеты на временном отрезке, вмещающем жизнь наших родителей и их детей.

Зондируя мировую финансовую систему в период кризиса 2008 года, авторы, представляющие Институт мировой экономики и международных отношений РАН, пишут, что шансы на ее «десаксонизацию» не столь велики, «...в мире и в России читающая публика перегружена... теориями “заката” США... следует опираться на реальные процессы, а не на борющиеся гипотезы»²¹. Но надлежащие выводы из реалий не сделаны, и получается, что в товарно-денежном обращении от Калининграда до Находки мистер доллар завис в позе маргинала где-то между полновесной валютной ценностью и бутылкой контрафактной водки. Как результат, если в прежние времена инвалюта в руках гражданина была маркером криминального поведения, то сейчас она сигнализирует о поведении то ли девиантном, то ли виктимном. Как в прямом смысле — когда гражданин попадает на ночную улицу в неблагополучном районе, так и в смысле переносном — когда он пребывает в банковском офисе под присмотром секьюрити и видеокамер. Чем дольше государство намерено играть в прятки с данным фактом, тем выше вероятность, что в качестве твердой валюты в очередной раз будет не знать себе равных пресловутая поллитровка. Следовательно, надо, преодолев соблазн ее откупорить, идти не шатаясь к правовому формату оборота доллара, адекват-

ватному объективно выполняемой им роли. По-моему, это означает необходимость бросить новый взгляд на старое и приблизить статус доллара к статусу рубля. Приблизить в *очень четко вычерченных рамках, восстанавливающих элементы императивности правового поля обращения иностранной валюты*, причем не для того, чтобы послать некий геополитический сигнал, а в целях придать валютному регулированию макроэкономическую реалистичность и заполнить пробел, образовавшийся в «коммерческой правосубъектности» рядовых участников валютных отношений. Вышедшей из берегов диспозитивности надо сказать: «Тень, знай свое место!»

Ну, а банки... Естественно, банки хотят извлекать выгоду из операций с иностранной валютой, заранее переложив бремя рисков на чужие плечи. И государство по-французски дает им *carte blanche*, по-латыни добавляя: «Fas». На ум приходит сцена из «Имени розы» У. Эко. Несчастливая девчонка, приговоренная к костру, кричит о своей невинности на народном итальянском, а инквизиционный трибунал загородился средневековой латынью и пропускает вопли жертвы мимо ушей. Не пора ли — перефразирую главную мысль статьи — российскому законодателю серьезно поговорить с российским народом о долларе на государственном языке Российской Федерации? Впрочем, для начала почему бы не оттолкнуться от наречия американского гостя? «The proof of the pudding is in the eating» — «подлинность пудинга удостоверяется тем, что его съедают». И пока доллар есть такой пудинг, который нельзя вычеркнуть из меню, в нашей стране должна существовать сеть ресторанов, где его можно цивилизованно заказать и безопасно съесть.

²¹ «США в поисках ответов на вызовы XXI века (социально-экономический аспект)». Под ред. Э. В. Кириченко. М., 2010. С. 114.

Как представляется, диалог о долларе на языке отечественной правовой кухни должен вестись в следующем направлении. Во-первых, надо перестать делать вид, что доллар (и другие валютные ценности) является ординарным товаром. Может быть, здесь пригодится обозначенная выше концептуальная стратегия, которую потребуется основательно проработать и спроецировать на плоскость законодательства. Обе задачи, особенно вторая, лежат за пределами профессиональной компетентности философа. Все, что мне по силам, — это два-три пробных штриха, к которым и перехожу: надо, во-вторых, вернуть уполномоченные банки с вольных хлебов. Сказанное означает, что: а) все банки, работающие с наличной иностранной валютой, должны работать и с ее дефектной частью, а такие правила приема инвалютной некондиции, которые на поверку выступают правилами отказа, должны быть признаны ничтожными; б) при продаже (выдаче) физическим лицам инвалютной наличности банкам надлежит руководствоваться стандартами, симметричными тем, которые этими банками установлены для ее приема; в) иностранные *денежные знаки* следуют официально приравнять к товару в тех четко определенных границах, которые позволят по аналогии с институтом, имплементированным в законе «О защите прав потребителей», разработать общий порядок возврата наличной инвалюты ненадлежащего качества в банк, продавший (выдавший) ее в ущербном физическом состоянии несмотря на то, что она считается поврежденной согласно его же правилам²². Думаю, примерно так сле-

дует оптимизировать оборот доллара, в то же время не ставя резидентные и нерезидентные деньги на одну доску²³. Критерии оптимизации — устранение перекосов в системе прав и обязанностей сторон правовых отношений, возникающих по поводу операций с наличной иностранной валютой; создание *эффективного* механизма, позволяющего гражданам (физическим лицам) отстаивать перед банками свои права вплоть до обращения в суд.

Если те или иные кредитные организации посчитают описанные меры чересчур суровыми, у них есть право уйти с инвалютного поля: это дело диспозитивное, *laissez faire*. Некоторые оставшиеся, видимо, на первых порах не устоят перед искушением латентно покрыть упущенную выгоду эскалацией комиссионного вознаграждения за прием поврежденной валюты. Такая опасность есть, но против нее есть конкуренция. Еще одно затруднение, актуальное в конфликтных ситуациях, упирается в технологию паспортизации купюр. Не переписывать же в самом деле кассиру их номера от руки в XXI веке. Постепенно преодолимо и оно. Нужная техника появится, был бы спрос. А на первых порах определенную дисциплинирующую роль может сыграть хотя бы принудительная установка в банковских офисах универсальных детекторов общего доступа, подобно контрольным весам в супермаркетах.

Но это все частности, и, уходя в прошлое по мере развития безналичного обращения, нынешнее поколение технических сложностей расчитит место для нового их поколения.

²² На основании статьи 1 части 2 закона «О защите прав потребителей» правила, обязательные для потребителя и продавца при заключении и исполнении публичных договоров, полномочно издавать Правительство Российской Федерации.

²³ То есть, повторю, артикулируя различие в правовом статусе наличного доллара и рубля, сократить дистанцию между ними посредством суживания почти безбрежной диспозитивности, под знаком которой обращается первый.

Главное же, по-моему, в том, что ни наличную, ни безналичную валюту иностранных государств не низвести до стандартного товара, а технологизированный до зубов гражданин и впредь останется в правоотношениях с банком *слабой, нуждающейся в государственной защите стороной*.

На место последней точки нарратива эстетически просится то, что дало ему старт, — одноязычная доллару пословица. Однако скорее всего литературному экзерсису читатель предпочтет концовку фактической истории. Финал благополучен. Представленные под подозрение доллары были экспериментально предложены другому банку, и он покладисто при-

нял все — «сухие» вперемешку с «мокрыми». Но такой happy end снимает лишь вопрос факта, причем снимает случайно. Вопросы же права и справедливости своего вертикального положения не меняют. Их превосходно очертил мой друг, которому предназначался перевод в погашение долга: «А права у тебя есть. Только отстаивать их стоит дороже, чем комиссия за обмен испорченных баксов: в правовом государстве правовые действия есть ценность, потому цена самая высокая. Подлог и обман дешевле...»

Чём парировать горький сарказм, я не нашелся. Это ли не беда, и только ли лично меня касается ее аналитическая комедиография? ◆